

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

УДК

№ госрегистрации

Инв. №

«УТВЕРЖДАЮ»

Ректор Академии

_____ В.А. Мау

« ____ » _____ 2020 г.

**ПРЕПРИНТ ОТЧЕТ
О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ**

по теме:

**«Характеристика миграционных потоков и расселения
мигрантов на Юге России»**

Научно-исследовательская работа выполнена в соответствии с
Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской
Федерации на 2020 год

Руководитель работ

_____ Казенин К.И.

Москва 2020

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Руководитель темы

К.И. Казенин

Исполнитель

И.В. Стародубровская

Краткая аннотация. В настоящем препринте рассматривается миграция населения регионов Юга России во второй половине 20-го – начале 21-го веков. Миграционные процессы рассматриваются в двух «измерениях». С одной стороны, исследуется их развитие в исторической перспективе, в связи с чем отдельно рассматривается миграция в советское и постсоветское время. С другой стороны, миграционные потоки противопоставляются друг другу в аспекте «дальности», для чего отдельно характеризуются внутрирегиональные и межрегиональные миграции.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1 Характеристика миграционных потоков и расселения мигрантов на Юге России	5
1.1 Миграция на Юге России в 1950-е – 1980-е годы: основные характеристики (направления миграции, этнический состав мигрантов, характер расселения на принимающих территориях)	6
1.2 Миграция на Юге России в постсоветский период: проблемы учета, основные характеристики (направления миграции, этнический состав мигрантов, характер расселения на принимающих территориях)	17
1.3 Внутрирегиональная миграция на Юге России: социально-экономический и культурный контекст, особенности интеграции и конфликты	28
1.4 Межрегиональная миграция на Юге России: особенности интеграции и конфликты	34
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	37
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	38

ВВЕДЕНИЕ

В настоящем препринте рассматривается миграция населения регионов Юга России во второй половине 20-го – начале 21-го веков. Совокупность миграционных процессов в этой части страны в указанный период существенно изменило этнический состав республик Северного Кавказа и прилегающих к ним регионов, повлияла также на соотношение численности населения на разных территориях, привела к новым вызовам, касающимся межкультурного взаимодействия и адаптации мигрантов в новых для них местах расселения.

Миграционные процессы рассматриваются нами в двух «измерениях». С одной стороны, исследуется их развитие в исторической перспективе, в связи с чем отдельно рассматривается миграция в советское и постсоветское время (разделы 1 и 2). С другой стороны, миграционные потоки противопоставляются друг другу в аспекте «дальности», для чего отдельно характеризуются внутрирегиональные и межрегиональные миграции (разделы 3 и 4).

Особое внимание уделяется конфликтному потенциалу миграционных процессов, их влиянию на межэтнические и межконфессиональные отношения.

1 Характеристика миграционных потоков и расселения мигрантов на Юге России

Наиболее значительными миграционными процессами на Юге России во второй половине 20-го – начале 21 века являются:

- 1) Миграция представителей северокавказских этносов на новые для них территории в регионах Юга,
- 2) Миграция русского населения за пределы республик Северного Кавказа [1].

Поскольку предметом нашего исследования является миграция коренных жителей северокавказских республик в города соседних регионов, мы в настоящем обзоре сосредоточимся на первом из перечисленных миграционных потоков, частным случаем которого является миграция северокавказского населения в города Юга.

В обзоре рассматривается как межрегиональная, так и внутрирегиональная миграция северокавказского населения. Такое расширение предмета обзора относительно темы исследования объясняется двумя причинами.

Во-первых, города Юга России были одним из нескольких направлений, по которым шла миграция северокавказского населения в последние 50-70 лет. При этом различные направления миграции были объединены не только тем, что совершались с одних и тех же территорий, но и общими экономическими и социальными условиями, в которых они проходили. Поэтому рассматривать миграцию в города южнороссийских регионов в отрыве от других направлений миграции коренных жителей Северного Кавказа представляется методологически неверным.

Во-вторых, ниже будет показано, что многие культурные особенности миграции северокавказского населения в города Юга России не являются уникальными именно для межрегиональной миграции северокавказцев в города, а наблюдаются также для миграции коренного населения северокавказских республик внутри своих регионов и в сельскую местность других регионов России. К общим чертам миграции по всем этим направлениям относятся, в частности, высокая степень этнической солидарности мигрантов на принимающей территории; распространенность совместной миграции выходцев из одного района или населенного пункта; частичное сохранение самоорганизации сельской общины на

принимающей территории. По этой причине при исследовании миграции в города Юга необходимо учитывать имеющиеся данные о других направлениях миграции коренных жителей Северного Кавказа.

Настоящий раздел построен следующим образом. В первом подразделе рассматривается миграция на Юге России, с преимущественным вниманием в миграции северокавказского населения, в последние советские десятилетия. Во втором подразделе рассматривается миграция на той же территории в постсоветский период. В этих двух подразделах основное внимание уделяется данным о конкретных направлениях и масштабах миграции, ее экономическому контексту. Затем приводятся имеющиеся данные об особенностях социокультурной адаптации северокавказских мигрантов на различных принимающих территориях. В третьем подразделе в этом аспекте рассматривается внутрирегиональная миграция, а в четвертом – межрегиональная.

1.1 Миграция на Юге России в 1950-е – 1980-е годы: основные характеристики (направления миграции, этнический состав мигрантов, характер расселения на принимающих территориях)

Миграция населения в северокавказском регионе и прилегающих к нему частях России имеет многовековую историю (обзор некоторых миграционных процессов на этих территориях до 20 века см. в [2;3;4]). Однако вплоть до середины прошлого столетия особенностью миграции северокавказского населения состояла в том, что она в очень ограниченной степени приводила к этническому смешению. Переселения коренных народов Северного Кавказа, как добровольные, так и организованные властями, в основном приводили к изменению ареалов расселения разных этносов, и гораздо реже – к образованию новых полиэтничных районов.

Эта тенденция проявлялась, в частности, в очень ограниченном переселении представителей коренных народов Северного Кавказа в города, в том числе ближайшие месту их проживания, вплоть до 1950-х годов. Например, в Дагестане в конце 19 века совокупное население двух центральных городов – Порт-Петровска (ныне Махачкала) и Темир-Хан-Шуры (ныне Буйнакс), согласно переписи 1897 года, составляло 18967 человек, при этом совокупная доля коренных народов Дагестана в населении этих городов составляла всего 13,8%. В столице Дагестанской АССР Махачкале Всесоюзная перепись населения 1926 года зафиксировала долю коренных дагестанских народов в пределах от 13-15% (более точно измерить эту

долю невозможно, поскольку в переписных материалах нет данных по некоторым малым дагестанским этносам), а Всесоюзная перепись населения 1939 год – на уровне 18,1% (без учета этнических азербайджанцев, среди которых данные переписи не позволяют различить коренных жителей Дагестана и выходцев из Азербайджана). Не выше была доля автохтонных дагестанских этносов, согласно переписям 1926 и 1939 годов, также и в других городах Дагестана (Буйнакске, Хасавюрте, Кизляре; причем в первых двух более половины от общего числа представителей дагестанских этносов составляли кумыки, исторически проживавшие в непосредственной близости от этих городских образований). Очень ограниченный характер вплоть до 1950-х годов имела в Дагестане и миграция горцев на сельскую равнину (как показано в [5:114], небольшой толчок этой миграции в 1930-е годы дало предоставление горным хозяйствам сельскохозяйственных земель на равнине, но эта практика тогда еще не получила большого распространения).

Дагестан среди северокавказских регионов до середины 20-го века отличался бóльшим «консерватизмом» этнической структуры и расселения этносов. В других частях Северного Кавказа миграционные процессы уже до этого времени вели к заметным изменениям этнического состава населения и распределения разных этносов по территориям. В наиболее обобщенном виде, миграционные процессы в 19 – первой половине 20 веков на пространстве от нынешней Чечни до нынешней восточной части Краснодарского края (без учета его приморских районов) характеризовались следующим:

- Интенсивная эмиграция коренных этносов и иммиграция населения из других регионов России. Эмиграция очень неравномерно затрагивала различные автохтонные народы Северного Кавказа. Наиболее интенсивный характер она имела среди черкесского населения: по некоторым оценкам, до 90% его представителей покинули Северный Кавказ и переселились в различные части Османской империи после окончания Кавказской войны в 1864 г. [3]. Значительная часть оставшегося в России черкесского населения также поменяла места своего жительства вследствие проводимой царской властью политики передислокации черкесских аулов на новые земли (большой размах этот процесс приобрел, в частности, на территории нынешней Адыгеи [6]). Сопоставимой по масштабам была принудительная эмиграция нескольких народов Северного Кавказа (балкарцев, ингушей, карачаевцев, чеченцев), депортированных советской властью в Казахстан и

Среднюю Азию в 1943-44 гг. [7]. Что касается прибывавшего населения, то до падения Российской Империи это были главным образом крестьяне, переселявшиеся в плодородные равнинные районы Предкавказья [3]. В 1940-е годы земли, ранее заселенные депортированными народами, частично были заполнены в результате организованных или добровольных переселений из других регионов России или из Грузии (в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Ингушетии, в некоторых районах Чечни [7:131-136]), а частично – в результате организованных (фактически принудительных) переселений жителей гор в обезлюдившие равнинные или предгорные районы (переселение части горцев Дагестана на населенные ранее чеченцами земли Дагестана и Чечни [8:50-71]).

- Перемещения крупных моноэтнических групп автохтонного населения на новые территории в пределах Северного Кавказа. В основном эти перемещения шли в рамках борьбы за доступ к более плодородным землям. Например, на территории нынешней Кабардино-Балкарии в первые десятилетия после окончания Кавказской войны имели место регулярные пересмотры границ расселения кабардинцев и балкарцев и распределения между ними пастбищных земель [9]¹. В 1920-е годы ряд народов Северного Кавказа расширили ареалы своего расселения в предгорной и равнинной зоне. Так, карачаевцы, переселившиеся из высокогорья, образовали несколько крупных поселений в окрестностях Кисловодска (Малый Карачай [10]), а ингуши получили контроль над рядом населенных пунктов, до этого бывших казачьими станицами.

Таким образом, на Северном Кавказе за пределами Дагестана до середины 20 века перемещения населения, включая автохтонные этносы, были регулярным явлением. Однако в основном эти миграционные процессы вели к изменениям этнических ареалов, к «переходам» населенных пунктов от одного этноса к другому или к появлению новых моноэтнических населенных пунктов, а не к расширению практики проживания разных этносов в рамках одного города или села. Это подтверждается и данными об этническом составе крупнейших северокавказских городов вне Дагестана в первой половине 20-го века: хотя после того, как советская власть провозгласила эти города центрами этнических автономий, доля коренных

¹ Обзор историографии по этому вопросу см., например, в [8:128-168].

жителей Северного Кавказа там несколько увеличилась, ее рост был невелик и подавляющее большинство представителей этих этносов оставалось проживать в «своих» моноэтнических селах. Так, в центре чеченской (позднее чечено-ингушской) автономии Грозном, по данным Всесоюзной переписи населения 1926 года, доля автохтонных этносов (чеченцев и ингушей) составляла 2,1%, а по данным Всесоюзной переписи населения 1939 года – 14,7%. К столице Кабардино-Балкарии Нальчике в 1926 году доля кабардинцев и балкарцев составляла 9,4%, а в 1939 году – 10,4%. Во Владикавказе, на момент переписи 1926 года бывшем административным центром и североосетинской, и ингушской автономий, общая доля осетин и ингушей в том году была 16,4%, а в 1939 году – 22%. В сельских районах этих регионов, за исключением тех территорий, где оставалось значительное количество русского населения (главным образом потомков казаков), доля этносов, населявших северокавказские города (русских, украинцев, армян, евреев), была, наоборот, очень мала.

Таким образом, до 50-х годов 20-го века разные части Северного Кавказа отличались по интенсивности миграционных потоков, но сохраняли важную общую характеристику – высокую «сопротивляемость» этническим смешениям, этническую сегрегацию как ключевой принцип расселения. Развитие северокавказских городов в первые десятилетия советской власти также не привело к существенным изменениям их этнического состава: доля коренных жителей Северного Кавказа осталась довольно низкой, города, в отличие от большинства сельских поселений, оставались преимущественно «русскими»². Что касается городов Юга России за пределами северокавказских автономий, то миграция в них коренных жителей Северного Кавказа в рассматриваемый период носила «штучный» характер и никак не влияла на этнокультурный облик этих городов.

Начиная с 1950-х годов характеристики миграции северокавказского населения существенно изменились. Это было связано с появлением новых

² При этом можно предположить, что среди представителей коренных народов Северного Кавказа, переселявшихся в первые десятилетия советской власти в города, значительную долю составляли работники партийных и советских органов, интеллигенция (количественные оценки такого рода нам неизвестны, но такая тенденция вполне согласовывалась бы с раннесоветской политикой «коренизации», см. [11]). Учитывая, что этот контингент населения характеризовался достаточно высоким уровнем образования, а также владения русским языком, такие переселенцы в города вряд ли могли стать причиной заметных «культурных конфликтов».

миграционных потоков, которые, в отличие от существовавших ранее, приводили не к изменениям этнических «границ», а к смешению разных этносов, к большему распространению полиэтничных форм расселения как в сельской местности, так и в городах.

Во-первых, бывшая этническая разделенность оказалась во многом сломана в ходе возвращения северокавказских народов из сталинской депортации. Возвращение депортированных народов на Северный Кавказ стихийно началось в 1956 году и приняло новый размах после того, как в 1957 году депортации официально были признаны незаконными. Возвращаясь в регионы своего прежнего проживания, изгнанники не всегда селились в точности на тех территориях, где они жили до отправки в Среднюю Азию и Казахстан. На это указывает, в частности, доля пострадавших от депортации народов в столицах северокавказских регионов согласно Всероссийской переписи населения 1970 года по сравнению с их долей по переписи 1939 года (перепись 1959 года в этом отношении не может быть показательной, так как она проводилась как раз в период продолжавшегося интенсивного возвращения депортированных и их расселения на новых местах). Особенно заметно это было в столице Чечено-Ингушской АССР Грозном, где общая доля чеченцев и ингушей в 1970 году составила 20,8% (при 14,7% в 1939 году). Во многом этот рост объяснялся именно тем, что возвращающиеся из депортации селились в республиканской столице вместо родных сел [7:135]. В Карачаево-Черкесии часть карачаевцев, чьи семьи до депортации проживали в горной местности, по возвращении расселились в селах предгорья и равнины, в нынешних Прикубанском, Зеленчукском, Усть-Джегутинском, Урванском районах, в которых раньше проживали почти исключительно русские и украинцы [8:83-86]. Этнические пропорции в разных селах этих районов после заселения карачаевцев оказались различными и менялись впоследствии (на 1970 год доля карачаевцев в районах, где они оказались «новоселами», варьировала от 14% до 46%). Меньшим по масштабам было расселение в «новых» для них равнинных районах балкарцев, но и они по возвращении из депортации образовали по крайней мере один новый населенный пункт в равнинной части Кабардино-Балкарии [9].

Однако к более смешанному этническому расселению вели и другие миграционные процессы, имевшие место при возвращении народов из депортации. Связаны они были с тем, что в середине 1940-х годов на некоторые территории, на

которых до этого проживали депортированные народы, были принудительно переселены представители других северокавказских этносов. Главным образом эта практика распространялась на территории, с которых были выселены чеченцы, как в нынешней Чечне, так и на западе Дагестана. В общей сложности в 1944-45 году туда было переселено более 13 тысяч хозяйств из малоземельных районов горного Дагестана [12:174-184;5:90-97] (по этническому составу переселенцы относились в основном к трем дагестанским народам – аварцам, даргинцам и лакцам; также в села, покинутые чеченцами в окрестностях дагестанского города Хасавюрт, были переселены кумыки из трех крупных поселков на окраине Махачкалы). После возвращения чеченцев из депортации в 1957 году была восстановлена Чечено-Ингушская АССР, и решением советских органов дагестанские переселенцы, оказавшиеся на ее территории, возвращались в свой родной регион. В общей сложности с 1957 по 1967 годы в Дагестан из Чечено-Ингушетии вернулись 12104 семьи, или 59349 человек [12:232]. Существенная особенность данной «возвратной» миграции состояла в том, что очень малая часть возвращавшихся селилась на своей исторической родине в горах (по данным А.И.Османова, всего 519 семей [12:233]). В основном же горцы селились в сельской части дагестанской равнины, главным образом в Хасавюртовском, Кизилюртовском и Кизлярском районах. При этом имелось две модели организованных переселений: в рамках одной из них переселенцам – выходцам из одного и того же горного села предоставлялась возможность создать «свой» отдельный населенный пункт на дагестанской равнине [8:53-60]; в рамках другой модели возвращавшиеся «подселялись» в одно из равнинных сел. Тем самым это «возвратное» переселение усложняло этнический состав дагестанской равнины двумя путями – за счет появления на ней сел, полностью населенных горскими этносами, и за счет появления новых этносов среди жителей уже существующих сел.

Следует добавить, что возвращение из сталинской депортации привело к усложнению этнического состава и еще в одной части Северного Кавказа, в Пригородном районе Северной Осетии. Во время депортации ингушей в феврале 1944 года этот район был передан в состав Северной Осетии, после чего в районе был расширен ареал проживания осетинского населения [7:131]. При возвращении ингушей из ссылки осетинское население в основном осталось в районе, и более десятка его сел стали многонациональными. Район остался в составе Северной

Осетии, и в октябре-ноябре 1992 года в нем произошел один из самых кровавых межнациональных конфликтов постсоветской эпохи.

Во-вторых, в 1950-1970-е годы имели место организованные переселения из отдаленных горных районов на равнину, что также вело к росту там количества полиэтничных населенных пунктов. Заметные масштабы эти переселения приняли в Дагестане. Это объяснимо, с одной стороны, тем, что в середине 20 века доля населения высокогорных сел среди всех жителей региона в Дагестане более высокой, чем в других регионах Северного Кавказа [13]. Как показано в [12:178]] первые попытки организованных переселений жителей высокогорья на равнину (помимо вышеописанных переселений на земли, обезлюдившие в результате депортаций) дагестанские власти предпринимали еще в 1940-е годы, однако они имели очень ограниченный характер. Масштабная программа переселения жителей гор на равнину начала реализовываться в Дагестане со второй половины 1950-х годов и продолжалась до 1970-х годов [12:240-249]. Как и «возвращение» из Чечено-Ингушетии, переселение «напрямую» с гор на дагестанскую равнину допускало два разных варианта: либо горские села «переносились» на равнину, то есть возникали новые населенные пункты с жителями – выходцами из одного горного села, либо переселенцы размещались в селах, ранее населенных только коренными жителями равнины.

С другой стороны, причина того, что наибольший размах организованные переселения с гор приняли именно в Дагестане, состоит в том, что в горах этой республики в рассматриваемый период произошел ряд природных катаклизмов, сделавших необходимым переселение жителей из пострадавшей зоны. Наиболее масштабное переселение такого рода было организовано после двух крупных землетрясений, случившихся в горной части Дагестана в 1966 году (в горах на юге республики) и 1970 году (тогда наиболее серьезный ущерб был нанесен центральной части горного Дагестана, преимущественно районам, населенным аварцами). В общей сложности из зон, пострадавших от этих землетрясений, переселению подлежало почти 11 тысяч хозяйств [12:250-262]. Переселение было осуществлено в предельно сжатые сроки, при этом, в отличие от других переселенческих потоков с гор Дагестана, переселения из зон землетрясений шли в основном в уже существующие села, где переселенцы становились соседями коренных народов равнины. Также впервые организованный поток горских переселенцев был частично

направлен в город: жители ряда южнодагестанских сел табасаранской национальности были переселены в город Дагестанские Огни (ранее представители данного этноса в этом городе почти не проживали; по состоянию на 2010 год, согласно Всероссийской переписи населения, они были в этом городе самым многочисленным этносом). Была в ходе переселения из зон землетрясений также практика создания на равнине многонациональных сел, в которых совместно проживали выходцы из разных горных районов, пострадавших от природного бедствия [8:64-71].

Наконец, еще одной причиной организованных переселений с гор на равнину в Дагестане была начавшаяся еще в 1930-е годы и заметно интенсифицировавшаяся в 1960-1970-е годы практика предоставления горным хозяйствам земель на равнине для зимнего выпаса скота (земель отгонного животноводства) [8:24-49]. Хотя массовое стихийное переселение горского населения на эти земли началось уже в постсоветскую эпоху (см. ниже), в советское время на этих пастбищных землях образовывались поселки (так называемые кутаны), в которых проживали животноводы из горных районов [5:120-123] (учет населения кутанов и в советское, и в постсоветское время был предельно затруднен).

Кроме того, к концу советского периода интенсифицировалась и неорганизованная миграция сельского населения Северного Кавказа. Можно выделить две разновидности этой миграции: трудовая миграция, которая шла в основном за пределы северокавказских республик, и стихийное переселение населения с гор на равнину и из села в город.

Трудовая миграция северокавказского населения в советский период исследована в основном на примере Дагестана. Как показывают Ю.Ю.Карпов и Е.Л.Капустина [5:110-114], в Дагестане стихийные переселения из сельских районов наблюдались с 1950-х годов. Отток населения из сельской местности Дагестана в тот период во многом был вызван неблагоприятной ситуацией в совхозах и колхозах автономии, когда сменявшие друг друга кампании по укрупнению и разукрупнению сельскохозяйственных предприятий делали экономическое положение сельского населения весьма неустойчивым. Многие сельские жители Дагестана стремились в этих условиях найти временную или постоянную работу за пределами своего региона. Миграционные потери населения республики в целом за 1950-е – 1980-е годы составили около 15% [5:110;55]. По оценке Карпова и Капустиной, в основном

эти потери были связаны именно с трудовой миграцией. Общая численность этнических дагестанцев, проживающих за пределами своего региона, росла от переписи в переписи: в 1970 г. за пределами Дагестана находилось 304,3 тыс. дагестанцев, в 1979 г. — уже 398,8 тыс., а в 1989 — 591,9 тыс. человек. Как отмечается в [5], традиции временной трудовой миграции (отходничества) были широко распространены в Дагестане еще до установления там советской власти. Однако если в 19 – начале 20 века временные трудовые мигранты из этого региона в основном ориентировались на кустарные промыслы, то во второй половине 20 века ситуация изменилась: «Упомянув об уходе на заработки в 1970—1980-е гг., информанты говорят, прежде всего, о работах на государственных предприятиях, в колхозах и совхозах (на местных кирпичных заводах, на строительстве бараков и хлевов, на уборке урожая и откорме бычков, строительстве домов для колхозников), на сельскохозяйственных работах у частных. Помимо Средней Азии дагестанские сезонные рабочие выезжали в республики Закавказья: на промышленные предприятия Баку, а также в Грузию» [5:114]. Таким образом, основными направлениями трудовой миграции дагестанцев были республики Средней Азии, Закавказья, промышленные предприятия Баку. Следует отметить, что имеющиеся данные не позволяют оценить количественное соотношение тех трудовых мигрантов из Дагестана, которые проживали в этих частях бывшего СССР постоянно, и тех, которые выезжали туда на заработки на ограниченное время.

С 1970-х годов значимым направлением трудовой миграции дагестанцев стала также восточная часть Ставрополя, где основным занятием дагестанцев было животноводство [14:464-478]. Вблизи пастбищ восточного Ставрополя часть выходцев из Дагестана селилась на постоянной основе, вследствие чего на протяжении 1970-80-х годов по крайней мере у одного дагестанского этноса – даргинцев – в Ставропольском крае постоянно было положительное сальдо миграции, а по общей численности этот народ, согласно Всесоюзной переписи населения 1989 года, вышел в Ставропольском крае на четвертое место с численностью 32740 чел. Также в восточной части Ставрополя в последние постсоветские десятилетия наблюдался прирост населения из Чечни, численность которого, однако, в конце 1980-х годов стала там сокращаться из-за ухудшающихся межнациональных отношений [14:471]. Как отмечено в [15], в 1980-е годы дополнительный импульс миграции дагестанцев в Ставропольский край придала

передача в аренду дагестанским хозяйствам значительных по площади пастбищных земель в Нефтекумском районе края, в так называемой Бакресской зоне, где во второй половине 1980-х значительно выросла доля дагестанцев среди населения. Похожий характер носила миграция дагестанского населения в Калмыкию. Согласно [5:383-390], в этой республике большие пастбищные территории были предоставлены дагестанским хозяйствам после депортации калмыков в 1944 году. После восстановления Калмыцкой АССР в 1957 году частично земли были изъяты у дагестанских хозяйств, но частично оставлены за ними. Дагестанское население, преимущественно занятое животноводством, стало постепенно накапливаться в Калмыкии с 1940-х – 1950-х годов.

Говоря о миграционных потоках горского населения Северного Кавказа на сельскую равнину в 1960-е – 1980-е годы, необходимо оговорить, что различие среди ни организованной и стихийной миграции достаточно затруднительно. Это хорошо видно на примере переселений дагестанских горцев в поселки, образовывавшиеся на равнинных зимних пастбищах (см. выше). Как показано в [5:115-122], этот процесс, инициированный и организованный органами власти, встречал неоднозначную реакцию горского населения – в частности, население некоторых сел не поддерживало идею переселения к равнинным пастбищам. Однако известны и другие примеры, когда жители горных селений, [8:26] заинтересованные в переезде на равнину, по собственной инициативе переселялись на кутаны, хотя и не входили в число тех колхозников, которые должны были переселяться туда для обеспечения животноводческих процессов. Стихийное переселение имело место не только на кутаны, но и в другие равнинные села. В некоторых случаях процесс переселения начинался с того, что в равнинное село переезжала одна семья из какой-либо горской общины (например, после того, как ее глава получал в этом селе работу). Затем к ним присоединялись родственники, за ними – другие односельчане, увеличивая «диаспору» иногда до сотен домохозяйств [8:64-71]. В качестве примера такой миграции в указанной работе рассматривается миграция населения ряда высокогорных районов Дагестана в равнинный Кизлярский район на севере республики. Если, согласно Всероссийской переписи населения 1959 года, из 44 тысяч жителей района этнические русские составляли более 90%, то в 1989 году из 48 тысяч жителей района этнические дагестанцы (в основном аварцы и даргинцы) составляли уже около 21 тысячи.

При этом, по-видимому, во всех регионах Северного Кавказа равнинные села различались «режимом доступа» для переселенцев. Например, в Карачаево-Черкесии карачаевцы, переселявшиеся в 1960-1980-е годы с гор, активно заселялись в села, где проживали только их соплеменники, и в села, где совместно проживали карачаевцы и русские [1]; однако примеров переселений карачаевцев в черкесские и абазинские села нам обнаружить не удалось, также не переселялись карачаевцы в села, где на тот момент проживало исключительно русское население. В Дагестане среди равнинных сел можно выделить такие, в которых сохранялся моноэтнический состав населения, с явным численным преобладанием потомков выходцев из одного и того же горного села, и такие, куда свободно переселялись представители разных этносов. Интересно, что это разделение в целом сохранилось и в постсоветскую эпоху [8:64-71].

Рассмотрим теперь миграцию северокавказского населения из села в города в 1960-1980-е годы. Ее масштаб виден по изменениям численности и процентной доли местных этносов в крупнейших городах региона в указанный период. В Таблице 1.1 приводятся эти данные для столиц северокавказских республик, а также для городского населения этих республик в целом.

Таблица 1.1 - Характеристики отдельных северокавказских городов по результатам переписей 1959, 1989 и 2010 гг.

	1959	1989	2010
Грозный			
Численность населения (тыс. чел.)	251,7	397,3	271,6
Этническая структура (%)			
Русские	78,1	52,9	3,3
Чеченцы	6,7	30,5	93,7
Махачкала			
Численность населения (тыс. чел.)	119,3	314,8	572,1
Этническая структура (%)			
Русские	51,6	21,5	6,3
Кумыки	12,2	14,3	15,1
Аварцы	5,8	19,1	26,2
Даргинцы	5,3	11,1	15,5
Лакцы	5,1	11,5	14,0
Нальчик			
Численность населения (тыс. чел.)	87,6	230,6	240,2
Этническая структура (%)			
Русские	67,5	44,0	28,8
Кабардинцы	13,9	34,5	49,2
Балкарцы	1,7	6,8	12,2

Следует отметить, что переселение жителей Северного Кавказа в города имело в этот период почти исключительно стихийный характер; единственный известный нам контрпример – это организованное переселение в город Дагестанские Огни жителей районов, пострадавших от землетрясения (см. выше). Доля «автохтонного» населения в рассматриваемый период росла отчасти из-за отъезда из городов русского населения, который в некоторых регионах, главным образом на Северо-Западном Кавказе, начался уже в 1960-е годы [1]. Однако росло и абсолютное число представителей местных этносов в северокавказских городах. В целом этот миграционный феномен вовсе не был уникальным для Северного Кавказа: хорошо известно, что с 1960-х годов переезд из села в город активизировался практически во всех российских регионах, что вело к значительным изменениям пропорций городского и сельского населения. Отличительная особенность Северного Кавказа состоит в том, что там активное переселение в города началось несколько позже, чем в большинстве других российских регионов, и на момент распада СССР доля сельского населения в северокавказских республиках была выше, чем по стране в целом [1]. Поэтому в 1990-е на Северном Кавказе был более высокий потенциал миграции из села в город, который в значительной степени и реализовался, о чем пойдет речь в следующем разделе.

1.2 Миграция на Юге России в постсоветский период: проблемы учета, основные характеристики (направления миграции, этнический состав мигрантов, характер расселения на принимающих территориях)

Характеризуя миграционные процессы на постсоветском Северном Кавказе, необходимо в первую очередь оговорить, что официальная статистика отражает эти процессы, скорее всего, с большими искажениями. Как показано в [16], эти искажения будут особенно велики, если оценивать миграцию северокавказского населения, основываясь на результатах переписей. Сопоставление результатов переписей 2002 и 2010 года заставляет признать значительный (в несколько десятков тысяч человек) миграционный прирост в двух республиках Северного Кавказа – Дагестане и Карачаево-Черкесии, и почти нулевой миграционный баланс в Северной Осетии. Согласно текущему учету населения этих регионов, однако, на протяжении 2000-х годов, как и позднее, миграционный баланс в них был отрицательным. Как отмечает Н.В.Мкртчян, такие различия между данными текущего учета и переписей, скорее всего, объясняются значительными искажениями в переписных данных,

вызванных, в частности, двойным учетом населения при проведении переписей в северокавказских республиках (см. об этом [17]). Исследователь обосновывает бóльшую надежность данных текущего учета населения для оценки уровня миграции на Северном Кавказе по сравнению с переписями. Впрочем, имеющиеся оценки не оставляют сомнений в том, что текущий учет населения на Северном Кавказе также имеет значительные погрешности, связанные, среди прочего, с тем, что часть выбывающего населения продолжает учитываться по старому месту жительства [18].

Данные о миграционном балансе республик СКФО согласно информационной системе Росстата ЕМИСС за 1997-2002 и 2008-2018 годы приводятся в Таблице 1.2 (за другие постсоветские годы соответствующих данные в указанной системе отсутствуют). Как видно из таблицы, во второй половине 1990-х – начала 2000-х официальная статистика указывала на значительные различия между северокавказскими республиками по миграционному балансу. Значительная миграционная убыль наблюдается в этот период в Чечне, что, очевидно, связано с военными действиями. Вполне закономерно пик этой убыли пришелся на 1999-2000 годы, начало Второй чеченской войны. Наиболее высокий миграционный прирост в этот же период в Ингушетии объясняется большой концентрацией там вынужденных переселенцев из Чечни. Частично их появлением объясним прирост населения в указанные годы также в Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, а в 1997-98 годах – и в Дагестане. Начиная с 2008 года, а особенно – в 2010-е годы официальная статистика рисует совершенно другую картину межрегиональной миграции. В этот период большинство республик СКФО (с 2010 года – все республики, кроме Ингушетии³) имели отрицательный миграционный баланс.

³ Положительный миграционный баланс в Ингушетии, как обосновывается в [16], скорее всего, является статистическим артефактом.

Таблица 1.2 - Миграционный прирост республик СКФО, 1997-2002 (на 10000 жителей)⁴

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Дагестан	104,4	144,3	116,1	86,3	107,1	78,2	15,15	30,04	35,97	-73,67	-81,54	-72,76	-46,84	-44,59	-36,01	-41,65	-35,8
Ингушетия	33,6	53	1047,5	2 522,5	71	163,4	-124,17	-125,93	-158,13	148,35	91,78	63,11	56,95	38,28	31,53	25,46	57,84
Кабардино-Балкария	142,5	98,5	82,7	82,6	84,7	72,7	-36,3	-26,63	-49,79	-64,56	-72,11	-72,23	-40,88	-40,58	-28,86	-27,71	-38,89
Карачаево-Черкесия	17,8	10,8	25,3	21,2	-15,6	-15,3	44,1	47,44	46,45	-90,67	-99,18	-86,93	-54,15	-53,95	-53,16	-20,58	-33,46
Северная Осетия-Алания	-0,1	49,8	154,6	175	87,2	13	-26,05	-27,62	-25,26	-85,57	-87,41	-78,18	-27,69	-60,68	-43,21	-46,56	-64,41
Чечня	-198,6	-180,5	-532	-1 170,1	637,7	125,8	-24,62	-35,52	-43,53	-26,75	-34,95	-35,27	-16,6	-8,38	-18,75	-19,28	-24,59

Примечание – источник Росстат.

⁴ Данный показатель учитывает только регистрируемую долговременную миграцию (до 2011 года – на срок не менее года, с 2011 года – на срок не менее девяти месяцев), включая и возвращения в регионы постоянного проживания лиц, снимавшихся там ранее с регистрационного учета.

Другим источником официальных данных по миграции населения из регионов СКФО и в эти регионы служит ежеквартальный бюллетень Росстата «Обследование рабочей силы» (ОРС), в котором содержатся, в частности, данные об объеме внутрироссийской трудовой миграции по регионам. Как видно из Таблицы 1.3, с 2012 по 2018 годы число трудовых мигрантов, выезжавших за пределы регионов СКФО, превышало число въезжающих более чем в четыре раза. По количеству выезжающих трудовых мигрантов большинство лет лидировал Дагестан, за ним располагался Ставропольский край, что закономерно, поскольку это два самых крупных по общему количеству населения региона СКФО. По количеству въезжающих трудовых мигрантов во все годы с заметным отрывом лидировал Ставропольский край (при этом, как отмечается в [19], значительная часть въезжающих в этот регион трудовых мигрантов в указанный период прибывали туда из республик СКФО).

Таблица 1.3 - Количество трудовых мигрантов, въехавших в регионы СКФО и выехавших из них, в 2012-2018 годах, тыс. чел.

	2012		2013		2014		2015		2016		2017		2018	
	выезд	въезд	выезд	въезд	выезд	въезд	выезд	въезд	выезд	въезд	выезд	въезд	выезд	въезд
СКФО	21,7	92,2	19,2	106,0	23,9	106,3	22,2	111,4	20,2	86,1	20,4	104,3	19,0	108,7
Дагестан	1,4	31,7	1,1	42,1	2,5	32,8	1,0	45,1	1,0	36,7	1,1	43,8	1,8	48,9
Ингушетия	2,9	1,8	0,2	...	2,0	0,3	0,8	0,3	4,0	0,3	0,9	0,3
Кабардино-Балкария	0,3	12,3	1,0	15,4	0,4	19,7	0,7	16,9	0,6	18,6	0,8	21,7	0,6	20,9
Карачаево-Черкесия	0,4	4,2	0,8	4,9	0,4	6,8	0,3	7,9	0,2	9,0	0,4	10,2	0,5	6,7
Северная Осетия	1,9	...			2,7	...	2,2	...	1,8	0,6	2,0	0,5	1,2	3,5
Чечня	5,5	11,2	5,0	6,5	8,0	6,2	6,1	2,4	2,6	1,3	3,6	4,6	3,0	2,3
Ставропольский Край	9,4	32,9	7,0	37,1	9,6	40,8	9,8	38,9	13,2	19,5	8,6	23,3	11,1	26,2

Примечание - ОРС Росстата.

Таким образом, официальная статистика показывает, что в постсоветское время доминирующим миграционным трендом был отток населения из СКФО. Для 2010-х годов на это указывают и данные по всем видам миграции, и данные, отдельно характеризующие трудовую миграцию.

По внутрирегиональным миграциям населения СКФО официальная статистика предлагает гораздо меньше данных, что объясняется прежде всего неполнотой муниципальной статистики во многих регионах Северного Кавказа [16]. Едва ли не единственным способом оценить масштабы внутрирегиональных миграций на основе официальной статистики является сопоставление этнического состава северокавказских городов по переписям населения. В Таблице 1.1 были

приведены данные о количестве и этническом составе населения столиц ряда республик Северного Кавказа по данным переписей 1989 и 2010 годов. Сопоставление показывает весьма значительное сокращение доли в городах русского населения, активно покидавшего Северный Кавказ в постсоветское время, и рост доли местных этносов. Особенно драматичным сокращение доли русского населения было в столицах Дагестана и Чечни (как и в этих регионах в целом). При этом, поскольку общая численность населения в региональных столицах, за исключением Грозного, в 2010 году была выше, чем в 1989 (особенно большой рост зафиксирован в Махачкале), а рождаемость северокавказских народов в рассматриваемый период в среднем была близка к уровню простого воспроизводства [20], очевидно, что рост доли в столичных городах коренных этносов был по крайней мере частично связан с их миграцией в эти города. Важно учитывать, что официальная статистика миграцию в столичные города отражает, скорее всего, в сильно преуменьшенном виде. Это связано и с уже упомянутым общим низким качеством данных о количестве населения по муниципальным образованиям, и с особенностями учета населения в некоторых республиках, состоящей в том, что часть жителей, мигрировавших из села в город, официальной статистикой учитывалась в родных селах [18].

Внутрирегиональная миграция в города в постсоветское время в отдельных республиках имела свои особенности. Прежде всего, регионы в постсоветский период различались по интенсивности такой миграции. Наиболее масштабный характер она, безусловно, имела в Дагестане. Одна из причин этого, по-видимому, состояла в особенностях возрастной структуры населения Дагестана, где доля молодежи в 1990-2000-е годы была заметно выше, чем, например, в республиках северо-западного Кавказа (что, в свою очередь, было объяснимо более поздним снижением рождаемости в Дагестане по сравнению с этими республиками [20]). Коллапс советской колхозно-совхозной системы привел к взрывному росту количества безработной молодежи на селе, для которой миграция в город была наиболее естественной и часто едва ли не единственной жизненной перспективой. Миграция активно шла не только в республиканскую столицу Махачкалу и ее город-спутник Каспийск, но и в другие города Дагестана, о чем говорит постсоветский рост населения, в частности, в Хасавюрте (рост на 102% в 2019 году по сравнению с 1989 годом), Дербенте (59%), Дагестанских Огнях (36%), Кизляре (24%).

Особенность миграции в малые города Дагестана состояла в том, что в потоке миграции в тот или иной город часто преобладали представители какого-то одного этноса. Так, миграция табасаранцев в Дагестанские Огни, один из ближайших городов к ареалу их расселения в горах, начавшаяся после землетрясения 1967 года (см. выше), интенсифицировалась после распада СССР. Преобладание табасаранцев среди населения этого города (46,2% по переписи 2010 года) привело к неформальному «закреплению» за ними ряда руководящих должностей в городском самоуправлении. Среди переселенцев в многонациональный Хасавюрт значительную долю составляли андийцы – близкородственный аварцам народ, исторически проживающий в горном Ботлихском районе Дагестана недалеко от границ с Чечней. Среди переселенцев в Кизляр в постсоветское время самой многочисленной группой были выходцы из высокогорных Цумадинского и Цунтинского районов, населенных большой группой родственных аварцам этносов. Такие «концентрированные» миграционные потоки, собиравшие в одном городе выходцев из одной горной местности, не приводили к образованию мононациональных городов: во всех указанных городах национальный состав в постсоветское время был довольно сложным, ни один этнос не образовывал там более 50% населения. Однако образование таких землячеств влияло на социокультурный ландшафт городов и на контуры борьбы за власть и ресурсы на местном уровне, поскольку нередко внутри городских землячеств сохранялись интенсивные контакты, среди них преобладала эндогамность, а в ряде случаев группы авторитетных представителей землячества принимали активное участие в борьбе за формальное и неформальное лидерство в городе (подробнее см. ниже). Были среди малых городов Дагестана и такие, в которых один из этносов образовывал абсолютное большинство еще в советское время (аварцы в Кизилюрте, даргинцы в Избербаше). Постсоветская миграция в эти города была в основном моноэтнической, о чем говорит дальнейшее увеличение доли самого крупного этноса в этих городах в постсоветское время на фоне роста общей численности их населения.

Что касается постсоветской миграции в сельской местности, то она в целом сохранила те черты, которые имела и в советское время. А именно, преобладала миграция из горной местности на равнину или на предгорные территории, расположенные вблизи городов. Кроме того, сохранялось неформальное разделение сел на те, состав которых был в основном моноэтничен и миграция в которые людей

других национальностей была мало распространена, и те, которые были «открыты» для мигрантов всех национальностей⁵. Интенсификация миграции из горной местности в постсоветское время вела к высокой плотности населения на некоторых сельских территориях. Это характерно для местностей, прилегающих к городам. Так, в «поясе» сельских поселений вокруг дагестанского Хасавюрта перепись 2010 года зафиксировала плотность населения около 100 чел/км² [21]. Фактически эти села функционируют как пригороды Хасавюрта, города с высоким уровнем предпринимательской активности, в котором имеют работу многие жители «пригородных» сел. Аналогичный пример можно увидеть в Карачаево-Черкесии, где густонаселенные села Малокарачаевского района экономически тесно связаны с ближайшим городом Ставропольского края – Кисловодском. Также к высокой плотности населения привела миграция горного населения в некоторые равнинные районы, отличающиеся благоприятными условиями для сельского хозяйства, в частности, в Дербентский и Магарамкентский районы южного Дагестана [21].

Миграция населения внутри сельской части Дагестана частично была связана с особым регулированием расселения на некоторых территориях. Так, миграция лакцев в сельскую местность в непосредственной близости от Махачкалы, вдоль трассы, соединяющей Махачкалу и Кизляр, была связана с планами по переносу в эту местность Новолакского района, созданного в 1944 году в результате переселения лакцев на территорию близ Хасавюрта, на которой до депортации чеченцев находился Ауховский район с преимущественно чеченским населением. Решение о переносе Новолакского района на новую территорию и о строительстве там жилья для переселяющихся лакцев за счет государственного бюджета было принято в начале 1990-х. Процесс «переноса» района существенно замедлился, но часть лакского населения переселилась в новопостроенные села [22]. Это, по-видимому, единственный пример постсоветской миграции на Северном Кавказе, которую можно отнести к разряду «организованных».

Также особым направлением миграции дагестанского населения с гор в постсоветское время можно считать миграцию в поселки на землях отгонного животноводства (кутаны; см. выше). Начиная с 1990-х эта миграция приобрела

⁵ [8:64-71] «Промежуточным» вариантом можно считать села, в которых имелось по две или три крупные этнические общины, но в которые не наблюдалась заметной по численности миграции «новых» этносов. Примеры таких сел имеются главным образом в равнинной части Дагестана.

исключительно стихийных характер, организованные переселения на кутаны горских животноводов не проводилось. Поселки на землях отгонного животноводства были почти исключительно мононациональными по составу. Чаще всего в них проживали только выходцы из того горного села, которому еще в советское время были предоставлены соответствующие пастбищные земли (имеются на землях отгонного животноводства и села, объединяющие выходцев из целого горного района). Поскольку большинство жилых построек на землях отгонного животноводства не имеет легального статуса, во многих случаях отсутствует и достоверная статистика по реальному числу жителей в этих селах. Имеющиеся оценки говорят о нескольких десятках тысяч проживающих там выходцах с гор [8:33-37].

Охарактеризуем теперь межрегиональную миграцию населения Северного Кавказа в постсоветский период. Как мы видели выше, на протяжении большей части постсоветского периода регионы Северного Кавказа имели отрицательный миграционный баланс по долговременной межрегиональной миграции, а также характеризовались кратным численным преимуществом выезжающих трудовых мигрантов над въезжающими. Исследования межрегиональной миграции, проведенные полевыми методами, показывают, что именно работа в других регионах России в постсоветское время стала основным мотивом долговременных выездов северокавказцев из своих регионов. (Сводные данные Всероссийских переписей населения о численности коренных этносов республик Северного Кавказа, проживающих в других регионах Юга России, содержатся в Таблице 1.4)

Наибольший полевой материал к настоящему времени был накоплен по трудовой миграции жителей Дагестана, что закономерно с учетом особенно больших объемов трудовой миграции из этого региона (см. Таблицу 1.3). Как показано в [5:163-211], трудовая миграция из Дагестана в другие регионы Юга России носит в основном сезонный характер. В качестве примеров сезонной трудовой миграции в указанном сочинении рассматриваются выезды населения горной части Дагестана для овощеводческих работ (главным образом, для разведения лука) в Ростовскую область, для работ на строительстве в Краснодарский край и др. Показано, что большие потоки трудовых мигрантов из Дагестана, как правило, имеют организованный характер. Часто бригады, направляющиеся в другой регион, формируют жители одного села. При этом, даже если работы носят ярко

выраженный сезонный характер (как, например, в овощеводстве), по крайней мере часть вовлеченных в них проживают в «принимающем» регионе на постоянной основе. Это прежде всего те, кто занимается организацией работ (арендой земель и т.п.). «Переход» временной миграции в постоянную еще более характерен в случае, если основным занятием мигрантов является торговля. По-видимому, наиболее заметное переселенческое сообщество дагестанцев, специализирующихся на торговле, имеется в Астрахани, где несколько сот семей из села Квананда Цумадинского района Дагестана [5:258] и из села Нижнее Инхело Ботлихского района с 1990-х годов занимаются предпринимательством в сфере торговли. Судя по материалам нашего полевого исследования 2020 г., из этих сел наблюдается ежегодная сезонная миграция в Астрахань в те месяцы, когда рыночная торговля идет особенно активно, но большинство семей, ведущих торговлю, имеют в Астрахани постоянное жилье и хотя бы некоторые члены таких семей проживают в городе круглый год. В [14] показано, что в Ставропольском крае, миграция в которых дагестанцев первоначально была связана главным образом с сезонными животноводческими работами, на протяжении 1990-х годов наблюдался миграционный прирост ряда дагестанских этносов за счет тех, кто переселялся в край на постоянной основе (это были уже переселенцы разных этносов и не только животноводы). Эти примеры показывают, что трудовая миграция дагестанцев в другие регионы Юга России, даже если она привязана к жестко сезонному производственному циклу, не является классическим примером временного перемещения рабочей силы: если эта миграция регулярно совершается организованными группами односельчан, то по крайней мере часть из них «оседает» в принимающем регионе на постоянной основе.

Оценить масштабы трудовой миграции северокавказцев в конкретные регионы Юга России представляется крайне затруднительным из-за неполноты учета трудовой миграции. Известная нам попытка сделать такую оценку полевыми методами содержится в работе [23]. Согласно приводимым там результатам полевого обследования, на 1 июня 2006 г. в Ростовской области работало 7453 сезонных трудовых мигранта из Дагестана, из них 609 — в Ростове-на-Дону, 640 — в Волгодонске; в Ставропольском крае в это же время трудились 10 773 выходца из Дагестана, в Краснодарском крае 3516, в Чеченской Республике 1171 человек. Аналогичных оценок для других регионов Северного Кавказа, по нашим данным, не

делалось, что объяснимо меньшими масштабами трудовой миграции их населения по сравнению с Дагестаном.

Что касается тех направлений межрегиональной трудовой миграции, которые сформировались еще в советское время, то для них после распада СССР не была отмечена значительная интенсификация, однако образовавшиеся в советские времена «животноводческие» диаспоры сохранились. Так, в уже упомянутом в этой связи Ставропольском крае даргинцы оказались на четвертом месте по численности среди всех жителей региона по результатам Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 годов, проживая там, как и в советское время, в основном в восточных районах. При этом Ставропольский край остается вторым после самого Дагестана регионом проживания даргинцев [24:31]. Сохранилась дагестанская диаспора и в Калмыкии. Там в 1990-е годы споры вокруг пастбищных земель, используемых дагестанскими хозяйствами, носили достаточно острый характер, однако в результате большинство дагестанских хозяйств сохранили возможность пасти скот в этом регионе [5:383-385]. В постсоветское время в районах Калмыкии, в которых проживает большая часть местной дагестанской диаспоры, наметилась тенденция к отъезду этнических калмыков в столицу республики Элисту [25].

В Астраханской области, по имеющимся неофициальным оценкам, численность выходцев из Дагестана в 2000-е годы составляла около 50 тысяч человек [26]. Согласно [5:390-397], в советское время миграция дагестанцев в этот регион носила примерно такой же характер, как их миграция в Ставропольский край: это в основном была трудовая миграция в сельские районы для занятия животноводством, по этническому составу большинство мигрантов составляли даргинцы. Однако в 1990-е годы характер и этнический состав миграции изменился: активно мигрировать в регион, преимущественно в город Астрахань, стали этнические аварцы (и представители близкородственных им малых горских народов), а основным занятием новых переселенцев стала торговля. При этом многие «советские» мигранты, занимавшие сельским хозяйством, после распада СССР покинули регион. Весьма значительную часть дагестанцев, переехавших в Астрахань в 1990-е годы и позже, составляют выходцы из двух горных сел. Также для миграции в Астрахань характерно компактное проживание переселенцев в центральной части города.

Таблица 1.4 - Численность этносов Северного Кавказа в регионах Юга России по данным Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.

		2002	2010
Ставропольский край	Даргинцы	40,2	49,3
	Карачаевцы	15,1	15,6
	Чеченцы	13,2	11,9
	Аварцы	7,2	9,0
	кабардинцы	6,7	8,0
	Осетины	7,8	8,9
	Лезгины	6,6	7,9
	табасаранцы	5,5	6,9
	Кумыки	5,7	5,6
	Абазины	3,3	3,6
	лакцы	2,5	2,6
	черкесы	2,1	2,3
Краснодарский край	адыгейцы	15,8	13,8
	осетины	4,1	6,9
Ростовская область	чеченцы	15,4	11,4
	даргинцы	6,7	8,3
	аварцы	4	4,6
	лезгины	3,7	3,9
Республика Калмыкия	даргинцы	7,3	7,6
	чеченцы	6,0	3,3
	аварцы	2,3	2,4
Астраханская область	чеченцы	10,0	7,2
	аварцы	4,2	4,7
	лезгины	3,0	4,2
	даргинцы	3,6	4,2

Социально-демографическими особенностями Северного Кавказа в постсоветский период объясняются некоторые отличия трудовой миграции его населения от трудовой миграции населения других регионов страны [19:54-61]. Во-первых, несмотря на существенное количественное превосходство выезжающих трудовых мигрантов над въезжающими, численность рабочей силы в регионах Северного Кавказа не сокращается; миграция работников из этих регионов, в отличие от многих других регионов России с отрицательным балансом трудовой миграции, не ведет к сокращению их «освоенности». Это связано с характеристиками возрастной структуры населения, особенно на Северо-Восточном Кавказе, где доля трудоспособного населения выше, чем по России в целом. Во-вторых, существенным «выталкивающим» фактором для трудовой миграции из регионов является переизбыток в городах Северного Кавказа (снова в особенности его северо-восточной части) претендентов даже на низкооплачиваемые, не требующие большой квалификации рабочие места. В городах, очевидно, такая ситуация создается в том числе благодаря интенсивной миграции из сельской местности. Вследствие этого среди трудовых мигрантов из СКФО ниже доля лиц с высшим образованием, чем по России в целом.

Для полной картины постсоветских миграционных процессов в СКФО следует упомянуть основные миграционные потоки из-за рубежа. В основном они формировались мигрантами из бывших республик СССР, покидавших зоны конфликтов. Вполне закономерно, что наиболее интенсивными эти миграционные потоки были в 1990-е годы. Так, согласно [14:469], в Ставропольском крае в 1989-1998 годах средний за год миграционный прирост армян составлял 321 человек. Армяне в основном расселялись компактно в районе Кавказских Минеральных Вод. Также в первой половине 1990-х в северо-восточной части Кабардино-Балкарии расселились сотни семей турок-месхетинцев, покинувших Ферганскую долину Узбекистана после межэтнического конфликта 1989 года и до переезда в Кабардино-Балкарию пытавшихся разместиться в других частях бывшего СССР (см. [27]; по переписи 2010 года в КБР проживало 13965 представителей этой национальности; часть из них, однако, переселилась в КБР еще в 1950-е годы). Турки-месхетинцы компактно проживают в ряде сели и городов республики.

1.3 Внутрорегиональная миграция на Юге России: социально-экономический и культурный контекст, особенности интеграции и конфликты

Как было отмечено выше, внутрорегиональная миграция населения Северного Кавказа начиная с середины прошлого века шла в основном в двух направлениях: из сельской местности (независимо от географического пояса) в города и с гор в равнинную и предгорную сельскую местность. Соответственно, эти миграционные потоки приводили к образованию двух типов диаспор: горских диаспор на сельской равнине и диаспор односельчан в городах. Процесс образования таких диаспор начался в ходе переселений советского времени и продолжился, в некоторых случаях заметно ускорившись, в постсоветские десятилетия.

Социокультурные последствия внутрорегиональных миграций на Северном Кавказе, ход адаптации мигрантов на новом месте, их взаимоотношения со «старожилами» принимающей территории во многом зависели от того, насколько диаспоры сохранялись в качестве организованной, дееспособной силы. Там, где мигранты достаточно быстро «растворялись» в новой для себя среде, не поддерживали активные связи с односельчанами, заставляя каждую переехавшую семью самостоятельно выстраивать социальные связи на новом месте, миграция оставалась «малозаметным» процессом в культурном отношении. Она не приводила к возникновению каких-либо устойчивых контрастов в социальном поведении

разных групп населения на принимающей территории, к образованию каких-либо культурных «барьеров» между жителями, к значимым конфликтам. Даже если между вновь прибывшими и коренными жителями имелись этнические, религиозные, культурные различия, они достаточно быстро «нивелировались» в условиях, когда мигранты на новой территории выстраивали свои жизненные траектории самостоятельно, без серьезной опоры на свою диаспору.

По-видимому, удачным примером такой миграции является переезд сельского населения в город в Карачаево-Черкесии. Как показано в [28], постсоветская миграция карачаевского населения из сельской местности в город Карачаевск, несмотря на почти моноэтнический состав его населения, первоначально выявляла значимые культурные различия между горожанами в первом поколении и теми, кто переехал в город еще в советское время (тогда переселение в город из сельской местности носило ограниченный характер, в основном переселялись с семьями теми, кто получал работу в одной из городских организаций). Однако «новые» горожане, за редкими исключениями, не поддерживали в городе активных связей со своими односельчанами. Для постсоветского Карачаевска в целом не было характерно, чтобы односельчане, переехавшие в город, расселялись компактно, активно взаимодействовали друг с другом в бизнесе, поддерживали бы друг друга в борьбе за какие-либо руководящие посты в городе. Можно предположить несколько причин такого положения вещей. В частности, могла сказаться изначальная слабость внутренней организации тех сел, откуда интенсивно шла миграция. С другой стороны, условия в самом Карачаевске, возможно, не мотивировали вновь прибывших активно бороться за укрепление своего положения в городе, поскольку в постсоветское время Карачаевск становился все более депрессивным городом, явно проигрывая как столице республики Черкесску, так и некоторым сельским территориям по экономическим перспективам и уровню экономической активности населения. Как показало полевое исследование, проведенное в Карачаевске в 2014 году, поведенческие различия между «новыми» и «старыми» горожанами, проявлявшиеся в основном в бытовой сфере, не привели к каким-либо конфликтам в городской среде и, в целом, имели тенденцию к сглаживанию.

Отметим, что миграция в сельскую местность в этом же регионе оказалась в целом более проблемной в плане интеграции мигрантов и их взаимодействия с коренными жителями. Как было отмечено выше, миграция в сельской части

Карачаево-Черкесии шла в основном в села с русским населением, куда активно заселялись карачаевцы. Напомним, что эта миграция началась еще в 1950-е годы. В постсоветское время она продолжилась и именно тогда стала более ощутимым источником конфликтов [8:79-103]. В многонациональных селах карачаевское население в основном поддерживало социальные связи внутри своего этнического сообщества; в частности, и в советское, и в постсоветское время редко заключались межнациональные браки; высок был уровень взаимодействия членов карачаевской общины в сфере предпринимательства (животноводства и овощеводства); в ряде сельских населенных пунктов наблюдалась этническая сегрегация в расселении – образовывалась «русская» и «карачаевская» часть села. Разобщенность двух этносов в хозяйственной сфере нередко сопровождалась и конфликтами, главным образом при распределении между жителями сел паевых сельскохозяйственных земель. Слабый уровень интеграции переселенческой общины и коренных жителей в данном случае не привел к обострению межнациональных отношений, скорее всего, главным образом по той причине, что русское население смешанных сел, как и большинства других сельских населенных пунктов Карачаево-Черкесии, в постсоветское время ориентировалось главным образом не на занятие сельским хозяйством, а на миграцию из села (либо постоянную, либо трудовую временную).

Регионом, где тема интеграции и культурных конфликтов в ходе постсоветской миграции населения обрела наибольшую остроту, безусловно, является Дагестан. Особенности внутрирегиональной миграции в Дагестане, а также ее влияние на социальную среду и межэтнические отношения на принимающих территориях подробно рассматриваются в [5:50]. Здесь мы перечислим основные особенности внутрирегиональной постсоветской миграции в Дагестане, которые в указанных работах рассматриваются как факторы культурных конфликтов и, в ряде случаев, межэтнической напряженности.

Во-первых, для Дагестана характерно компактное расселение мигрантов. Как уже было отмечено выше, это не является обязательной характеристикой миграций в Дагестане, в том числе и в сельскую местность, однако сельские поселения на равнине, полностью или почти полностью населенные выходцами из одного и того же горного села – феномен, на Северном Кавказе наблюдаемый, по-видимому, исключительно в Дагестане. Кроме «одноаульных» сел на равнине, указанная характеристика миграции, как мы видели, проявляется в массовом переселении

выходцев из одной горной местности в малые города Дагестана. Известны также случаи, когда в крупных равнинных селах, жители которых являются выходцами из двух разных горных сел, сельские кварталы неформально разделены по тому, представители какой из общин в них проживают [5:223]. Еще одно, более редкое ее проявление – наличие переселенческих «анклавов» в столице региона, как, например, поселок Семендер в черте Махачкалы, в котором с 1990-х годов велика была доля выходцев из горного Ахвахского района. Компактное проживание членов крупной переселенческой общины, как правило, ведет к ослаблению интеграционных процессов, к ориентации переселенцев преимущественно на социальные связи внутри своей общины, а значит, и к консервации культурных различий между мигрантами и коренными жителями принимающей территории, а также между разными группами мигрантов. При этом, как показано в [5:214-219], в ряде переселенческих сел на дагестанской равнине в постсоветское время, когда государственное регулирование переселений в сельской местности Дагестана значительно ослабло, местная община самостоятельно установила запрет на заселение в село «чужаков», представляя это как «самозащиту» от попыток внешнего вмешательства в жизнь переселенческой общины.

Во-вторых, на принимающих территориях мигрантам нередко приходилось становиться участниками конфликтов, в первую очередь земельных, с другими группами мигрантов или с представителями коренного населения. В [5:229-233] рассматривается пример такого конфликта между двумя селами на дагестанской равнине, одно из которых заселено коренными жителями равнины (кумыками), а другое – даргинцами, переселившимися на дагестанскую равнину в 1957 году после пребывания в Чечне. В начале 1990-х между двумя селами, до этого объединенными единым колхозным хозяйством, возник конфликт по поводу использования земель, которые представители кумыкского села предполагали занять под индивидуальное жилищное строительство. Конфликт привел к вооруженному столкновению и с трудом был улажен к концу 2000-х годов. Это был один из самых острых земельных конфликтов в постсоветском Дагестане, но вовсе не единственный конфликт между «переселенческим» селом и селом, в котором проживают коренные жители равнины. Подобного рода конфликты, бесспорно, препятствуют интеграционным процессам на сельских территориях, на которые идет миграция, поскольку они заметно усиливают внутреннюю сплоченность переселенческого сообщества, делая его

«непроницаемым» для какого-либо взаимодействия с соседями. Также подобные конфликты усиливают сегрегацию в расселении: как показывают исследования, для переселенческих сел в условиях конфликта с соседями характерно ужесточение запрета на заселение «чужаков», установка на безусловную неприкосновенность и непрозрачность границ общины переселенцев.

В-третьих, для мигрантов характерно поддержание активных связей с исторической родиной. Она может проявляться не только в том, что у многих в горах остались родственники, и не только в ежегодно проводящихся в горных аулах «днях села», на которые собираются выходцы из села, проживающие в других частях Дагестана и в других регионах. Для переселенцев из ряда сел в Дагестане характерна вовлеченность в текущие дела своей «малой родины» - например, проживая в городе, они могут активно участвовать в предвыборной борьбе в родном районе или селе, поддерживая одного из кандидатов. Из наших полевых данных известны примеры, когда предприниматели родом из горного села вкладывают средства в развитие сельского хозяйства на своей исторической родине, нередко вовлекаясь при этом в имеющиеся в горах земельные конфликты. Подобные практики не являются в Дагестане повсеместными, однако там, где они имеются, они поддерживают идентичность переселенцев, связанную с их малой родиной, что может быть психологическим препятствием для интеграции.

В-четвертых, в некоторых случаях переселенцы оказываются вовлечены к длительные конфликты, связанные с муниципальными границами, статусом отдельных населенных пунктов и т.д. Коротко охарактеризуем два таких конфликта в Дагестане. Один из них связан с уже упоминавшимся выше Новолакским районом, примыкающим с юга и запада в городе Хасавюрт. В предыдущем подразделе была коротко предыстория конфликта в Новолакском районе. В 2010-е годы этот конфликт развивался в основном по двум линиям (подробнее см. [22]). Во-первых, сохранялась неопределенность с завершением переселения лакцев на новое место жительства. Чеченское население настаивает на скорейшем завершении этого процесса и на восстановлении Ауховского района после переселения с его территории большинства лакцев. Лакцы, еще в 1990-е годы принявшие идею переселения и переноса Новолакского района на новую территорию к северу от Махачкалы, требуют, чтобы на новом месте каждая лакская семья была обеспечена собственным жильем за государственный счет, и чтобы новых селах была создана

необходимая инфраструктура. Процесс завершения строительных работ на новом месте жительства лакцев затягивается, и в этой ситуации представители чеченской и лакской общин продолжают выдвигать свои требования, касающиеся решения новолакской проблемы. Во-вторых, сохраняется неопределенность в отношении аварского населения Новолакского района, представители которого настаивают на гарантии аварцам определенных позиций в местном самоуправлении будущего Ауховского района. Также между аварской и чеченской общинами имеются разногласия по поводу того, включать ли в состав Ауховского района два крупных села, входивших в него на момент депортации чеченцев, но не включенных впоследствии в Новолакский район. Другие долговременные конфликты, в которые вовлечены переселенцы в сельской местности, связаны с землями отгонного животноводства (см. о них выше). Имеются конфликты между отдельными хозяйствами горных или предгорных районов, получившими отгонные земли на равнине, а также разногласия между местным населением и переселенцами, живущими на землях отгонного животноводства, в целом: первые выражают недовольство самим фактом передачи равнинных земель «пришельцам», вторые – неопределенным статусом своих сел (см. [8:44-47]). Такие разногласия между этническими общинами, среди которых имеются общины переселенцев, очевидно, усиливают этническую идентичность жителей многонациональных территорий и являются препятствием для интеграции.

В-пятых, переселенческие общины, как в городах, так и на сельской равнине Дагестана, во многих случаях выбирают какую-либо «специализацию» в бизнесе, которой следует значительная часть членов общины. В [5:220-223] показано, как в равнинном селе, в котором проживают выходцы с гор и коренные жители равнины, разные отрасли мелкого бизнеса в селе неформально закреплены за представителями какой-либо из общин. Это не только усиливает внутриобщинную солидарность переселенцев, но и укрепляет «границы» между разными этносами на принимающих территориях, также затрудняя интеграцию. Заметим, что по крайней мере для миграции в сельскую местность здесь можно увидеть существенный контраст между советским и постсоветским периодом, поскольку в советский период мигранты, прибывавшие с гор на сельскую равнину, как правило, вовлекались в совместное с коренными жителями сельскохозяйственное производство (через колхозы и

совхозы) [5:233-237]. В постсоветское время эта практика экономической интеграции была выражена гораздо слабее.

Таким образом, целый ряд характеристик внутрирегиональной миграции северокавказского населения способствуют укреплению социальных связей внутри сообществ мигрантов в противовес «внешним» социальным связям на принимающей территории, содействует росту этнического самосознания мигрантов на их новом месте жительства. Объективно это является препятствием для адаптации мигрантов и их интеграции в принимающий социум. Важно при этом заметить, что по крайней мере некоторые из перечисленных препятствий интеграции (вовлеченность мигрантов в конфликты; отличия от местного населения по профилю экономической деятельности) сформировались в основном в постсоветское время. Это согласуется с тем обстоятельством, что переселенцы с гор постсоветской волны в целом труднее интегрировались в принимающий социум, чем их предшественники в советскую эпоху. На трудности постсоветской интеграции указывают результаты полевых исследований, согласно которым, коренные жители принимающих территорий осознают культурную обособленность именно тех переселенцев, которые мигрировали на территории их проживания в 1990-е годы и позже [5:233].

1.4 Межрегиональная миграция на Юге России: особенности интеграции и конфликты

Социокультурный контекст межрегиональной миграции населения северокавказских республик на Юге России и вопросы адаптации переселенцев при данном типе миграции подробно рассматриваются в последующих разделах настоящего отчета на основе полевых данных. Здесь же мы кратко резюмируем основные результаты имеющихся исследований процессов адаптации в тех регионах Юга России, миграция в которые северокавказцев носит интенсивный характер.

В местах компактного проживания дагестанцев в районах восточного Ставрополя, как показано в [5:351], ситуация с адаптацией мигрантов и их интеграции в местный социум носит противоречивый характер. С одной стороны, проживающие в этих районах дагестанцы, в основном переселенцы в первом поколении и их дети, достаточно широко представлены в органах местного самоуправления, в депутатском корпусе районов (в одном из районов среди депутатов районного и поселенческого уровня дагестанцы составляют 10%), среди руководителей предприятий, в том числе сельскохозяйственных, и учреждений. С

другой стороны, для восточной части Ставрополя характерны бытовые конфликты с высоким уровнем этнической мобилизации населения, в том числе дагестанского. Основными источниками межэтнического напряжения, проявляющегося в таких конфликтах, в указанном исследовании называются следующие:

- Трудности с арендой сельскохозяйственных земель, о которых заявляют выходцы из Дагестана и которые они рассматривают как проявление этнической дискриминации,
- Успехи выходцев из Дагестана в животноводческом бизнесе, в котором они более опытни, и более высокий уровень жизни части дагестанцев, связанных с этим бизнесом, по сравнению с большинством местного населения,
- Различия в хозяйственных практиках мигрантов и представителей коренного населения, приводящие к разногласиям и напряженности на бытовом уровне,
- Разногласия между мигрантами и местным населением по вопросам, связанным со строительством культовых сооружений,
- Большой объем сезонной трудовой миграции из Дагестана, которую местные жители и руководство муниципальных образований рассматривают как угрозу имеющемуся балансу на рынке труда.

При этом авторы указанного исследования также отмечают, что интеграция переселенцев из Дагестана в местный социум в районах восточного Ставрополя затруднена из-за параллельных миграционных процессов, прежде всего – отъезда из этих районов русского населения. Общая нестабильность состава населения на данных территориях является препятствием и для интеграционных процессов.

Сходный набор фактором является источником напряженности и на территориях компактного проживания дагестанцев в Калмыкии. Как отмечено в [5:383-390], для этих территорий характерны конфликты в молодежной среде. Также заметный резонанс в 2000-е годы имели конфликты, связанные со строительством переселенцами культовых зданий.

В Астрахани в целом исследователи отмечают менее конфликтную ситуацию вокруг дагестанской диаспоры [5:390-397], объясняя это большим опытом совместного проживания представителей разных этносов и конфессий, накопленным

этим городом за его историю. Подробнее об адаптации переселенческих сообществ в Астраханской области речь пойдет ниже в настоящем отчете.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нами были рассмотрены миграционные процессы на Юге России во второй половине 20-го – начале 21-го века. Эти миграционные процессы отличались большим разнообразием этнического состава переселенцев, обстоятельств и целей миграции, экономических условий, в которых она совершалась.

Результатом миграционных потоков стало существенное изменение этнического состава регионов Юга России. В частности, заметно выросла доля автохтонных этносов Северного Кавказа в городах ряда северокавказских республик, а также на территории регионов, соседних с этими республиками. При этом миграционные потоки довольно сильно отличались друг от друга по характеристикам расселения мигрантов, по степени этнической сегрегации на принимающих территориях.

Мы также рассмотрели конфликтный потенциал исследуемых миграционных потоков. Было показано, что в большинстве случаев конфликты были связаны с противоречиями вокруг каких-либо ресурсов или путей хозяйствования, возникшими или усилившимися вследствие миграций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Белозеров С.В. Этническая карта Северного Кавказа. М.: ОГИ, 2006. – 304 с.
2. Гозулов А. И. Морфология населения: опыт изучения строения основных свойств населения Сев.-Кав. края по данным трех народных переписей - 1926, 1920 и 1897 гг. - Ростов н/Д: Гос. тип. им. Коминтерна - 1929. – VIII. - 442 с.
3. Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX—XX веках: Этностатистическое исследование. - СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1996. - 224 с.
4. Куваева А.А. Миграционная политика России на Северо-Западном Кавказе во второй половине XIX - начале XX вв.//Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2011. - № 3. - С. 86-92.
5. Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. - СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. – 448 с.
6. Скибицкая И. М. [Дискуссионные проблемы истории завершающего этапа Кавказской войны](#)//Культурная жизнь Юга России. - 2007. - Вып. 6. – с. 67-77.
7. Полян П.М. Не по своей воле... :История и география принудительных миграций в СССР. М.:ОГИ, 2001. – 329 с.
8. Казенин К.И. Элементы Кавказа: земля, власть и идеология в северокавказских республиках. М.: REGNUM, 2012. - 175 с.
9. Бабич И.Л., Степанов В.В. Историческая динамика этнической карты Кабардино-Балкарии. М.: ИЭА РАН, 2009. – 108 с.
10. Умар Алиев. Карачай. Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Черкесск, 1991. – 320 с.
11. Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press. – 2001. – 528 p.
12. Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20-70-е годы XX века). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2000. - 328 с.
13. Мудуев Ш.С. Динамика сельского расселения Дагестана//Труды географического общества Дагестана.: Махачкала, 1998. - Вып. XXVI. С. 26-33.

14. Белозеров В., Турун П. Миграционные процессы на Ставрополье//Россия и ее регионы в XX веке: Территория, расселение, миграция / О.Глезер, П.Полян (ред.). - М., ОГИ, 2005. – 816 с.
15. Аджиев Я. Б. Этнокультурная, этносоциальная ситуация и экономические проблемы ногайского этноса в Республике Дагестан//Современное положение и перспективы развития ногайского народа в XXI веке. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. 2 - 4 ноября 2006 г. СПб. - 2007.
16. Мкртчян Н.В. Миграция на Северном Кавказе сквозь призму несовершенной статистики//Журнал исследований социальной политики. – 2019. - Т 17. № 1. - С. 7-22.
17. Андреев Е.М. О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации//Вопросы статистики. – 2012. - №1. – С. 21-35.
18. Казенин К.И. Число детей в сельских поселениях Дагестана: сопоставление источников данных//Демографическое обозрение. – 2017. – Т. 3. № 4. - С. 93-113.
19. Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф., Казенин К.И. Внутренняя миграция как ресурс развития Россия. М.: Дело, 2020. – 76 с.
20. Казенин К.И., Козлов В.А. Омоложение материнства в Дагестане: тенденция или артефакт//Демографическое обозрение. – 2019. – Т 3. № 3. С. 100-123.
21. Eldarov E., Holland E.C., Aliyev Sh., Abdulagatov Z., Ataev Z. Resettlement and migration in post-Soviet Dagestan//Eurasian Geography and Economics. – 2007. Vol. 48, No 2. – P. 226-248.
22. Казенин К.И. Урегулирование конфликтов на Северном Кавказе: роль неформальных правовых механизмов//Общественные науки и современность. – 2016. - №2. - С. 144-154.
23. Алиев Ш. М., Гимбатов Ш. М., Эфендиев И. И., Эльдаров Э. М. Отходничество жителей сельских районов Дагестана//Труды географического общества Дагестана. – 2007. - Вып. XXXV. - Махачкала. - С. 17-30.
24. Авксентьев А. В., Авксентьев В. А. Этнические группы и диаспоры Ставрополья: Краткий справочник. – 1997. - Ставрополь: Изд-во СГУ. – 48 с.

25. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Дмитриев А. В. Региональная конфликтология: экспертное мнение/Под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. — М.: Альфа-М, 2007. - 208 с.
26. Ярлыкапов А. А. Дагестанцы в Астраханской области//Этножурнал. - 07.12.2006. – URL: <http://www.ethnonet.ru/ru/pub/?p=2>.
27. Акиева С.М. Турки-месхетинцы в КБР: демографическое и этнокультурное развитие. - Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2016. – 92 с.
28. Казенин К.И., Стародубровка И.В. Северокавказские города: территория конфликтов//Общественные науки и современность. – 2014. - № 6. - с.70-82.